

И.М. Чирскова

ВЛАСТЬ И КУЛЬТУРА В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.: У ИСТОКОВ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Статья посвящена взаимоотношениям культуры и власти в России первой четверти XVIII в., становлению основных направлений культурной политики. Анализируются основные формы и результаты культурной политики Петра I.

Ключевые слова: модернизация, культурная политика, насильственный прогресс, патернализм, секуляризация культуры.

В начале XVIII в. российская власть выступила в роли активного регулятора культурных процессов, руководствуясь прежде всего принципами целесообразности и необходимости. В стране, где в силу ряда серьезных причин (геополитических, социально-экономических, ментальных и пр.) роль государства чрезвычайно велика, личность носителя верховной власти приобретает особое значение. Необходимость ускоренного усвоения европейского опыта и преодоления болезненно ощущаемой дистанции между Европой и Россией определили характер, темпы и специфику петровской модернизации, выявили острую потребность в кадрах, способных ее осуществить.

Мероприятия государственной власти в области культуры – целенаправленные, но бессистемные, отражали специфику модернизационных процессов в стране и личный взгляд самодержца на проблему. Носитель власти выступал как главный творец закона, «государь рассматривался как источник закона, а закон, в идеале долженствовавший представлять собою стройную систему, на самом деле, в принципе, системой не являлся, сводясь к массе распоряжений»¹.

Ориентация власти на формирование светскости в политической и социальной культуре потребовала переопределения государственных взаимоотношений с институтом церкви. Важнейшими социальными и духовными переворотами, всколыхнувшими сознание огромного количества людей, отразившими начало кризиса средневекового мировоззрения и заставившими усомниться в легитимности существующего миропорядка, стали раскол и церковная реформа Петра. Сакрализация светских институтов, носителей власти, деятелей культуры, науки, искусства и пр. была принята как наиболее адекватная модель для народного восприятия абсолютных ценностей. «Идеи “светской святости”, – по мнению А.М. Панченко, – вполне естественные для секуляризованных верхов, постепенно проникают и в “прилежащие вере” низы»².

В 1701 г. был восстановлен Монастырский приказ, куда передавались монастыри с вотчинами и архиерейские владения³. Монахам был установлен определенный «оклад», который выплачивался из доходов церковных вотчин, поступавших в Монастырский приказ⁴. Государственная власть решала прежде всего политические задачи: подрывалась экономическая база церковного влияния, решались фискальные задачи пополнения казны. Нежелание церковных иерархов признать и одобрить реформаторскую деятельность Петра, которая рассматривалась ими как разрушение патриархальных устоев, могущих оказать влияние на «повреждение» нравов и нарушение традиций, а также субъективные причины дали дополнительный стимул к нововведениям.

Борьба с церковной оппозицией была довольно длительной. Знаменитый указ от 31 января 1701 г. о запрете монахам писать в кельях потребовал нового подтверждения и более чем через двадцать лет (19 января 1723 г.) с опорой на «прибавления» к духовному регламенту. Поборники старой веры призывались в Приказ церковных дел для регистрации, пожелавшие остаться в старой вере «записывались в платеж двойного оклада»⁵. Для внешней идентификации раскольников в 1724 г. были розданы «особые знаки» «для ношения сверх платья», а женщинам предписывалось носить «особые платья». «Бородачи, кроме крестьян», т. е. те же раскольники, получали медные знаки, которые нужно было «погодно переменять»⁶, что означало введение ежегодного налога. Все это подтверждает практицизм петровских мероприятий в области культуры.

Создание тринадцатой, духовной коллегии – Синода – завершило организационную перестройку, но не решило всех проблем духовной сферы. Идеологом церковной реформы стал приехав-

ший в 1716 г. в Петербург Феофан Прокопович, ставший в 1718 г. епископом в Пскове. Известный своими особыми взглядами на соотношение веры и знания и на место религии и церкви в обществе, он обосновал необходимость ликвидации патриаршества, введения коллегиального управления церковью и ее подчинения государству. Главными его аргументами были тезисы, что «монархов власть есть самодержавная, которой повиноваться сам Бог повелевает», а «правление церковное» должно быть установлено «монаршим указом и сенатским приговором», царь же, «помазанник божий», есть «высочайший пастырь»⁷. После смерти в 1722 г. Стефана Яворского, единственного в истории президента Синода, надзор за деятельностью духовного учреждения стал осуществлять обер-прокурор из военных или гражданских лиц⁸. «Члены» же синодальные получали государственное жалованье, не вошедшие в «штаты» церковнослужители признавались тяглыми⁹.

Подданные под страхом штрафа обязывались посещать церковь и каяться («о хождении на исповедь повсягодно, и штрафе за неисполнение сего правила...»). «О не бывших на исповеди» в Синод посылалась специальная ведомость¹⁰. Штрафом каралось нарушение «тишины в церквях во время богослужения». Наказание грозило «за похищение» денег, собранных «во время божественного пения в кошельки». Корректировался и сам ритуал службы, куда включались новые ценности: «о возношении в церковных служениях вместо Патриаршего имени Синода»; «о возгласении в священнослужении Благоверных, Правительствующий Синклит, военачальников, градоначальников и христоролюбивое воинство», и др. Духовный институт, признанный и почитаемый населением, был использован властью в чисто политических целях. Здесь читались важнейшие указы, а после Северной войны было предписано «повседневное чтение во всех церквях на вечерних, утренних и литургиях, положенной в новопечатных тетрадах эктеном о победе над супостатом»¹¹.

Регламентировалось и церковное строительство. Воспреещалось «давать грамоты без указа Его Величества», «без указа из Синода», «пришлым монахам строить вновь монастыри, и о недавании им никаких земель без указа». Строить предписывалось «храмы во имя Богородицы, Рождества, Успения», а в монастырях «каменные здания»¹². Провозглашая начала веротерпимости, уже в первый год своего правления Петр высылает иноверцев-иностранцев «за распространение соблазнительных и вредных толкований», противных православной вере¹³. Запрещая «крестить и женить шведских военнопленных неволею», креще-

ние лютеран и кальвинистов заменять «помазанием их святой миррой» и принимая ряд указов о добровольном крещении иноверцев и предоставлении новообращенным льгот¹⁴, власть в то же время заботилась о благополучии православных подданных. Так, иноверцам, имевшим православных крестьян, предписывалось принять православие, в противном случае «поместья и вотчины с людьми и крестьянами отписать на Великого Государя». Закон был категоричен и предписывал в случае, если «басурманы не крестятся, то отнять у них деревни и не отдавать»¹⁵.

Европеизация сопровождалась и радикальными изменениями в быту. Прежде всего это касалось введения практики ношения европейского платья и брадобрития. Петр стремился переодеть подданных сначала в «венгерские кафтаны», затем в «немецкие платья и обувь», а ездить «на немецких седлах»; предписал носить «парадное платье в праздничные и церемониальные дни», причем расписаны были признаки одежды по рангам вплоть до «нижних всяких чинов людей», а за образец взяты «французские камзолы и кафтаны». Далее последовал указ о «саксонском» и «немецком» платье, «неизготовлении» русского платья и «неторговании оным» под угрозой штрафа. Указ не затрагивал духовенства (исключая жен) и «пашенных крестьян»¹⁶. В XVIII в. европейское воспринималось русской культурой как нечто целостное, поэтому и европейская одежда была некой «общевропейской»: отдельные детали одежды могли быть свободно заимствованы из костюмов разных стран¹⁷.

Для усиления контроля новая одежда подлежала клеймению. Законодательно подтверждался и запрет торговать «русским платьем и сапогами» и носить «такое платье»¹⁸. Правительственная политика «переодевания», распространявшаяся на всю страну, учла, однако, климатические особенности сибирского региона, удаленность его от центра, практическую трудность контроля. Здесь жителям дозволили «носить такое платье, какое кто пожелает, и при верховой езде употреблять прежние седла»¹⁹.

Власть активно вмешивалась в личную и интимную жизнь подданных. Законодательно оговаривались брачные и имущественные отношения, устанавливался новый порядок бракосочетания, когда смотрины заменялись обручением, которому предшествовало личная встреча жениха и невесты. Крестьянам – архиерейским и монастырским – было запрещено вступать «в брак с крепостными и помещичьими девками». Порядок и условия развода, решения по доносам инквизиторов и имущественные дела «умерших священно- и церковнослужителей» также определялось указанным порядком²⁰. Своеобразной новацией в брачном законодательстве

был указ Синоду «О не принуждении родителям детей и господам рабов своих и рабынь к браку к самовольному их желанию», была даже дана форма присяги для родителей и господ²¹.

Весьма знаменательным для петровской культурной политики оказалось введение своеобразного образовательного ценза для желающих жениться²². Это свидетельствовало о значении, которое придавалось образованию на высшем уровне.

Петр I силой заставлял боярство и дворянство устраивать в домах публичные мероприятия, столы, балы, ассамблеи и др., которые были учреждены при дворе. Новые формы общения: ассамблеи, празднование викторий, знаменательных дат и событий и др., в которых принимали участие представители боярства, дворянства, купечества, городского населения, крестьянства, разрушали сословную замкнутость русского общества. Правила проведения ассамблей, поведение гостей, очередность и пр. подробно оговаривались на высшем государственном уровне²³.

Ассамблеи, введенные в конце 1718 г. как собрание людей для «своего увеселения, или для рассуждения и разговоров дружеских», стали не только формой культурного общения, но и местом, где русская женщина впервые вышла в свет. Хозяйка дома должна была вести разговоры, танцевать, уметь одеваться и причесываться на европейский манер, отвечать на комплименты. Однако процесс освобождения женщин от затворничества был очень медленным, шел с большим сопротивлением и затронул лишь верхушечные слои русского общества.

Введение в русскую культуру светского праздника стало очень важным событием. Государственный праздник объединял подданных в общем восхищении победами русского оружия, годовщины которых отмечались фейерверками, салютами, предписывалось «когда и где стрелять за прежние победы»²⁴. Зрелищные массовые мероприятия с триумфальными шествиями, с античной символикой, сценами из мифологии и истории выполняли определенную образовательную функцию.

Театральные зрелища, на которых Петр старался присутствовать лично, должны были транслировать политические и просветительские идеи своего времени. Театральные пьесы часто писались по специальному заказу царя. Придворная культура пародировала старые средневековые нормы и восхваляла новшества. Устав «всепеньейшего собора», шуточные записки и инструкции не гнушался сочинять и составлять сам царь.

Городская среда оказалась наиболее благоприятной для утверждения новой культуры. Именно город стал местом возник-

новения учреждений нового типа: светских государственных школ, Академии наук, библиотек и др. Правительственная политика охватывает все сферы жизни города. Большое внимание уделяется градостроительству, регулированию внутренней жизни, чистоте и порядку в городе, противопожарной безопасности, городской торговле и др. Менялась не только городская застройка, но и весь жизненный уклад русского города, прежде всего столиц. Старинные укрепления к началу XVIII в. обветшали, и началась постройка новых. Неоднократно горевшая старая столица должна была застраиваться преимущественно каменными домами, «недостаточные» жители могли строить мазанки. Постепенно каменная застройка Москвы формируется начиная с центра. «Каменные здания и мазанки» в Китай- и Белом городе должны были строиться «по линии». За неисполнение указа следовало наказание «лишением двора». Интенсивная застройка новой столицы запрещала «на несколько лет строить во всем государстве каменные дома». Дороговизна каменного строительства, а впоследствии и запрет способствовали появлению в Москве «мазанок из глины» вместо деревянных домов для спасения от пожара. В 1718 г. начинается частичное возобновление каменного строительства в Москве²⁵. Идея приблизить Москву к типу регулярного города способствовала тому, что старая столица приобрела некоторые элементы регулярности, но в целом продолжала оставаться городом старой застройки.

Идея регулярности в полном смысле слова была решена «сверху» принудительным, запретительным и насильственным методом при строительстве новой столицы. Сюда «из губерний и городов» прислали строителей «с принадлежащими их работе инструментами», для работников собирались деньги. Дополнительно из губерний были вызваны комиссары и мастерские люди «для изготовления материала для построения домов». Строящаяся столица постоянно требовала новых мастеров²⁶. Русская знать насильственно приглашалась в новую столицу. В 1714 г. тем, кто не «отстроится» в Петербурге «до будущей зимы», грозил штраф. В законе даже специально перечислялись «палатные люди, царедворцы, купечество и ремесленники». Строительство и заселение новой столицы шло быстрыми темпами только благодаря активному вмешательству власти. Ехать «на болота» не хотели. После возвращения Петра в Петербург в марте 1718 г. строительство города оказалось непосредственно под неустанным контролем царя, а строгая исполнительская дисциплина, подкрепленная карательными санкциями, помогала успешному строительству. На высочайшем уровне был определен и образ жизни столицы, за

соблюдением которого должен был следить генерал-полицмейстер. Тщательная регламентация жизни столицы происходила и в более позднее время. Столица европейского типа, по мнению Петра, должна была соблюдать определенные правила внутреннего распорядка. Например, предписывалось не пропускать в город, «когда шлагбаумы опущены», «без фонарей», извозчикам запрещалась езда «на взнузданных лошадях», а нищим «прошение по улицам и при церквях милостыни» и др. Власть напоминала о соблюдении порядка и чистоты, о взимании штрафа за «нечищение домовых труб», продажу «порченных съестных припасов» и пр.²⁷

Культурная деятельность Петра, как и другие его преобразования, «направлялась мыслью о необходимости и всемогуществе властного принуждения; он надеялся только силой навязать народу недостающие ему блага, и, следовательно, верил в возможность своротить народную жизнь с ее исторического русла и вогнать в новые берега»²⁸. Изданное в 1717 г. «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению» наставляло правилам поведения в семье и обществе, не гнушаясь даже мелочными подробностями. Принципы воспитания, которые должны были способствовать формированию человека новой культуры, утверждала и книга Ф. Прокоповича «Первое учение отрока».

Необходимость ускоренного освоения европейских достижений впервые поставила вопросы образования на высший государственный уровень. Образовательная политика предполагала быструю организацию специальных учебных заведений для подготовки столь необходимых стране кадров: моряков, артиллеристов, инженеров, учителей, строителей, канцеляристов и др. Созданные «экстренным» путем учебные заведения были еще очень несовершенны, возникали бессистемно, вызванные сиюминутными потребностями государства. Не было и единого органа управления образованием, образовательные обязанности вменялись разным ведомствам и должностным лицам. Отсутствие методики и зубрежка усложняли и увеличивали сроки обучения.

Содержательная сторона обучения не была детально разработана, обозначались лишь самые общие параметры, перечислялись в лучшем случае только основные предметы. Для цифирных школ, например, указывалось лишь направление – «учить цифири и некоторую часть геометрии». Темпы, заданные реформами, не позволяли вдаваться в подробности; основным было стратегическое направление культурной политики.

Государственная школа сохраняла многие старомосковские традиции с палочной дисциплиной, полной неразработанностью

методики обучения, зубрежкой и пр. Отсутствовала и классно-урочная система, элементы которой были лишь в Славяно-греко-латинской академии. Прием в школы не был единовременным, принимались ученики разного возраста и уровня подготовки и поэтому каждый из учеников проходил обучение индивидуально, язык учебных пособий был труден и содержал множество иностранных слов. Учителя, часто иностранцы, не могли вразумительно разъяснить предмет из-за языкового барьера. Но именно петровская эпоха характеризуется созданием нового типа школы – государственной светской. Появляются учебные заведения низшего, среднего и высшего звена.

Огромная неграмотная страна остро нуждалась в людях, способных участвовать в строительстве новой державы. Приглашение иностранных специалистов проблему не решало. Петр продолжил практику, начатую еще Борисом Годуновым, посылки русских учеников за границу «ради науки». География стран, куда предполагалось отправление дворянских детей, была обозначена довольно широко: Венеция, Франция, Англия, Персия. Сюда в течение 1716–1717 гг. прибывали молодые люди «для научения морской службе» и «для учения языка, так и для лучшей практики Навигации»²⁹.

После Северной войны за границей начинают учиться и гражданским «наукам». Юноши отправляются «для обучения мануфактурному искусству», приобретения «для фабрик инструментов и машин», для обучения архитектуре, «строению фундаментов, расположению и украшению городов и деланию шлязов»; для обучения «овцеводству, стрижению шерсти, потреблению оной в дело». При этом агент фон-дер-Бург должен был за ними «надзирать»³⁰.

В это же время мастеровых людей отправляют на тульские оружейные заводы с дачей «им кормовых денег, провианта и мундира». Для обучения кожевенному мастерству из губерний присылали учеников в Москву, а также в Киевскую и в Азовскую губернии, причем «замедление» вызывало применение «жестких мер»³¹.

Петровская концепция образования изменила его содержание и направленность, впервые были созданы светские учебные заведения разного типа и уровня. Власть выступила в роли активного регулятора образовательного процесса, руководствуясь принципами целесообразности и необходимости. Практические нужды вызвали появление школ профессионального характера, которые должны были готовить необходимых специалистов. Среди них были созданные в 1701 г. Школа математических и навигацких наук и Пушкарская школа, Инженерная школа, открытая в 1712 г., и др.

Учение приравнивалось к службе, что должно было, несомненно, повысить не только престиж образования, но и ответственность учеников, которые получали кормовые деньги. Одним из успешных условий учебы была «сытость» учащихся, поэтому документы оговаривают этот вопрос наряду с запретительными мерами. Например, при организации Пушкарской школы оговаривалось, что учеников будут кормить, и наряду с учителями они будут получать «государево особое жалование и дача смотря по учению», при том что они не могли «без указа» отлучаться из Москвы и «уходить в иной чин, кроме артиллерии»³².

Однако желающих обучаться, «добровольно хотящих», было немного, поэтому государство, реализуя идею «насильственного прогресса», законодательным путем брало на учет «недорослей», особо дворянских³³. Учеников в буквальном смысле слова рекрутировали. «За утайку недорослей и убавку им лет» грозило «отписание поместий и вотчин в казну»³⁴. За серьезные проступки следовало наказание плетью, побег из школы грозил еще более тяжкими последствиями. Взимались «штрафы с не явившихся», их отправляли «в отдаленные города на вечное житье», а у не имеющих вотчин предполагалось «забрать вотчины у тех, у кого они живут в домах»³⁵. Необеспеченных учеников ожидали телесные наказания. Без свидетельства об образовании не выдавались «венчальные записи»³⁶, повторное же упоминание этой ограничительной меры свидетельствует о том, что закон исполнялся слабо.

Наиболее близкими по типу к средней школе были созданные на основании указа 28 февраля 1714 г. цифирные школы. Обучаться здесь должны были «дворяне приказного чина, дьячих и подьячих дети», а учить – присланные «для того в губернии ученики математических школ»³⁷. При преемниках Петра большинство этих школ были закрыты.

Интереснейшим учебным заведением (для сирот, детей бедных родителей), сумевшим отойти от узости и утилитарности, была школа, организованная Ф. Прокоповичем на собственные средства в Петербурге в 1721 г. и просуществовавшая 15 лет, вплоть до смерти основателя. Новым было наличие устава школы («Регулы семинарии...»), где определялся распорядок дня³⁸. Здесь обучались такие известные в будущем деятели русской культуры, как Г.Н. Теплов, академики А.П. Протасов, С.К. Котельников.

Документирования административной и учебной деятельности школ не было, так как сами виды этой деятельности находились в начальной стадии формирования. Есть лишь указ Петра

«О предоставлении в Сенат полугодичных ведомостей об обучающихся в школах...»³⁹.

Наиболее грамотной частью населения России по-прежнему оставалось духовенство. Еще до принятия в 1721 г. Духовного регламента, опираясь на реформаторскую деятельность Петра, некоторые представители духовенства активно включаются в образовательный процесс. Школы, созданные Иовом Новгородским, Дмитрием Ростовским, Питиримом Нижегородским и другими, внесли значительный вклад не только в духовное, но и в светское образование.

Правительственная культурная политика коснулась и проблемы женского образования. Петровский указ связал образование женщин с замужеством: «неграмотных дворянских девушек, которые не могут подписать хотя бы свою фамилию, – не венчать»⁴⁰.

Бичом русской школы были нехватка людей, могущих обучать, и отсутствие необходимых пособий. Перевод иностранных и составление оригинальных учебников осуществлялось в невиданном до этого масштабе. Однако отсутствие достаточного количества квалифицированных переводчиков, терминологические трудности осложняли этот процесс. Достижением образования первой четверти XVIII в. было издание и переиздание оригинальных учебных пособий, в том числе и наглядных: «Арифметика» Леонтия Магницкого, «Буквари» Федора Поликарпова, Извекова, Кариона Истомина, «Первое учение отрокам...» Ф. Прокоповича и др. Появились наглядные пособия, в том числе гравировальные настенные пособия: «Новый способ арифметики, феорики или зрительных», составленный В. Киприановым в 1705 г.⁴¹

Образовательная политика регламентировала создание учебных заведений разного уровня и профиля, в общих чертах обозначила программу обучения, его результат, источники финансирования, состав учащихся и учителей и др. В ней подробно регламентировались карательные аспекты для «ленящихся» или уклонявшихся от обучения, нарушавших правила или не выдержавших итоговые испытания. Однако жизнь вносила свои коррективы: отсутствие необходимого финансирования препятствовало созданию учебных заведений и должной организации учебного процесса, а несовершенство контроля давало возможность избежать наказания. Единого органа управления образованием не было, образовательные обязанности вменялись разным ведомствам и должностным лицам. Финансирование учебных заведений осуществлялось из разных источников и было весьма скудным. В то же время новая школа выполнила свою историческую, пусть и вполне утилитарную, зада-

чу по подготовке кадров и в определенной степени способствовала утверждению новой культуры. В силу российской специфики даже Академия наук приобрела учебные функции.

Интерес Петра к науке был вполне рациональным. Как неофит он наивно считал, что при желании любой наукой можно быстро овладеть. Он увлекался медициной и анатомией. Знаменитые царские «операции» вызывали у дворян чувство опасения. Научные знания в начале века были направлены на решение прикладных военных, фортификационных, астрономических (для мореходства) задач, сводились к поиску полезных ископаемых, новых путей сообщения и др. Генеральный регламент поставил перед коллегиями задачу «описать все границы, реки, города, местечки, церкви, деревни, леса и прочие» и составить «генеральные партикулярные ландшафты»⁴².

За год до своей смерти 28 января 1724 г. Петр издал указ об учреждении в России Академии наук и художеств. При Академии были созданы своеобразные «подготовительные структуры», которыми стали университет и гимназия: «к расположению художеств и наук употребляются два образа здания: первый образ называется университет; второй – академия или социетет художеств и наук». Отечественная академия возникла в русле государственной культурной политики по инициативе власти, существовала на государственных средствах, на доходы «с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Арнсбурга (в сумме 24 912 руб.)»⁴³. Из Германии выписали академиков, среди которых были столпы мировой науки, такие как Бернулли, Бильфингер, Герман, Эйлер. Но в Петербург они приехали уже после смерти императора.

Стремление определить место России в европейском пространстве стимулировало рост интереса к истории. Начинается работа по выявлению и сбору памятников, которая инициировалась государством в русле проводимой им культурной политики. По поручению Петра Ф. Поликарпов предпринимает попытку создать «руководство» по истории, доведя его до современности. Одной из причин, помешавших выполнить это задание, был недостаток источников.

Ряд указов свидетельствуют о переданных в Петербургкладах древних монет, о дарении предметов из курганов, о передаче «за вознаграждение» древностей. Губернаторы и коменданты получили специальные указания по сбору исторического материала: «также как старые подписи на камнях, железе или меди, или какое старое, ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее всё, что зело старо и необыкновенно, тако ж бы приносили за что будет

довольная дача, смотря по вещи». «Куриозные вещи», купленные в Сибири, должны были поступать в Берг и Мануфактур-коллегию. В 1720-е гг. последовал ряд распоряжений об отыскании письменных источников, «о присылке из всех епархий и монастырей древних рукописных книг», «об отбирании старопечатных книг», сборе старинных денег князя Игоря⁴⁴.

В начале XVIII века создаются и первые крупные частные коллекции Я.В. Брюса, А.Н. Демидова, Д.М. Голицына, которые послужили основой будущих музейных собраний. Интерес ко всему необычному и личное увлечение царя способствовали появлению своеобразных естественных коллекций. Специальными указами было предписано приносить «родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещей во всех городах к губернаторам и комендантам, о даче за принос оных награждение и о штрафе за утайку»⁴⁵. Знакомство с европейскими кунсткамерами стимулировало решение Петра завести у себя подобное учреждение. Так в России появился первый комплексный музей – Кунсткамера, впоследствии оказавшийся под опекой Академии наук и крупнейших академиков с мировыми именами и ставший одним из лучших музеев своего времени.

К началу XVIII в. значение печатного слова в России уже было по достоинству оценено. Поэтому одной из важнейших задач культурной политики была организация печатного дела, распространение «нужных» книг и контроль за главным в то время каналом информации. Петровское книжное производство стимулировало стремление к чтению как к своеобразному труду. Не случайно И.Т. Посошков, обращаясь к своему сыну, призывал его именно к полезному общению с книгой⁴⁶.

Книга из разряда почитаемого переходит в разряд читаемого, а «читатель благочестивый» уступает место «читателю разумному, трудолюбивому». Сознвая политическое и стратегическое значение печати и ее роль в распространении светской культуры, Петр I содействует формированию программы изданий, лично определяет, кому и что выпускать. Сначала типография была организована в Амстердаме под руководством Яна Тесинга и Ильи Копиевского⁴⁷. Но необходимость в большом количестве нужных для преобразований книг определила организацию печатного дела в самой России. Московский Печатный двор, «гражданская» типография В.А. Киприанова сыграли большую роль в становлении типографского дела в России. Введение в 1708 г. гражданского шрифта, упрощенного по графике, более компактного и пр., стимулировало развитие издательской деятельности и приобретение светской кни-

гой целостности, органического сочетания формы и содержания. Это нововведение имело не столько технический характер, сколько стало серьезным идеологическим актом. Церковный язык утратил господствующее положение в структуре русского литературного языка. Произошло разграничение функций шрифтов, новый шрифт упростил работу наборщика и стимулировал издательскую деятельность.

Книга, становясь атрибутом повседневной жизни, должна была ориентировать не всегда просвещенного читателя. Фронтиспис давал общее представление о характере книги, титульный или заглавный лист уточнял сведения и сообщал выходные данные. Дополнительные сведения о книге предоставляли оглавление, именные и предметные указатели, иллюстрации, чертежи, схемы и нововведенная разбивка текста на абзацы. В книге первой четверти XVIII в. не всегда присутствовали все элементы, но тенденция к их наличию со временем возрастала. Это способствовало росту познавательной и информационной ценности книги и помогало читателю лучше и быстрее ориентироваться в возросшем объеме книг. Практическая направленность меняла внешний вид книги: она стала компактнее.

Новопечатные книги собирались в архиве Сената, для сохранения их был издан специальный указ⁴⁸. В связи с неразработанностью терминологии перевод книг был крайне труден, переводчиками становились специалисты соответствующих областей знания. Указ 1715 г. нацеливает на необходимость «приискание из приходных людей, как наиболее образованных» «от всех коллегий по одному человеку», которые могли бы заняться переводом книг по юриспруденции, лексикону и пр.⁴⁹ Царский указ 1721 г. фактически констатировал расширение межкультурного диалога с европейскими странами. При Сенате должен был появиться «типографический печатный стан иностранных языков», а при нем предписывалось оставить «искусного переводчика и секретаря»⁵⁰. Перевод столь необходимых для страны книг продвигался медленно, что заставило Петра для ускорения процесса предложить чисто практические, утилитарные меры. В «Указе трудяющимся в переводе экономических книг» (1724 г.) он сетует на «немцев», наполняющих книги «многими рассказами негодными», и указывает, что сам «выправил» (т. е. сократил), «дабы по сему книги перевозены были без лишних расказоф, которые время толку тратят и у чтущих охоту отемлют»⁵¹.

Огромное значение правительство предавало новому элементу новой русской печатной культуры – газете. «Ведомости»⁵²

внесли значительный вклад в формирование своеобразной и очень условной, но все же «гласности». Петровская газета, круг читателей которой по сравнению с предшественником был значительно шире, информировала о «заграничных и внутренних делах», много говорила о военных событиях. Помимо культурной составляющей (информационная функция, формирование языка русской прессы и др.) основной задачей официальной газеты была задача политико-воспитательная.

Своеобразная секуляризация русской книги, нахождение ее в руках власти определяло и репертуар отечественной печатной продукции. Не менее важным, чем производство печатной продукции, является и ее распространение. «Нужная» книга (учебная, узко-профессиональная, научно-прикладная, военно-инженерная и пр.) не всегда была востребована. Проблема реализации новой книги была в том, что производство обгоняло спрос; новизна тематики не стимулировала популярность; учебная литература не всегда была востребована, так как светские образовательные учреждения еще только создавались, да и длительная война способствовала обнищанию населения, а книга еще не успела стать предметом первой необходимости. Тем не менее можно отметить, что в первой четверти XVIII в. начинает складываться новый тип деятеля культуры: книгоиздатель, переводчик иностранных книг, редактор. Сам царь активно участвовал в издательской деятельности, требовал от авторов и переводчиков оперативности, четкости в изложении материала и краткости.

Уважение Петра к печатному слову сказалось и в том, что он выступил инициатором сбора и сохранения древних русских книг. Именно он издал первый в России подобного рода указ⁵³. Согласно новым задачам правительства ряд старопечатных книг отбирались, исправлялись и перепечатывались⁵⁴.

Одной из главных функций культурной политики с самого начала формирования этого феномена стал контроль и надзор. Несмотря на то, что институт цензуры еще не оформился, тем не менее печать не была обойдена пристальным «вниманием» власти. Главным цензором, в руках которого было сосредоточено издательское дело страны, был Петр, который выступал и в роли издателя и заказчика. Мимо царя не проходила ни одна печатная строчка. Он подкупал заграничную печать для восхваления себя, России, для полемики с врагами и пр., не допускал «сокрытия в переводах» негативных высказываний о стране⁵⁵. Монопольная власть государства на главный канал информации освобождала от дополнительной строгой цензуры. Однако наличие в стране негосударственных

типографий (Малороссия, Киев, Чернигов) ставило вопрос о контроле над ними. Так, например, книги, напечатанные «без дозволения», привлекли внимание власти. И было предписано не печатать «других никаких книг ни прежних, ни новых изданий, не объявляя об оных Духовной коллегии, и, не взяв от оной позволения» ... «не печатать», чтобы не могло «никакой церкви Восточной противности и с Великороссийскою печатью несогласия произойти»⁵⁶.

В 1721 г. надзор за всем, касающимся религии, был возложен на Синод, который должен был следить, «нет ли какого в письме оном погрешения, учению православному противного». Этот документ впервые законодательно регламентирует отечественную печать. Тогда же под контроль попали изображения служебников и канонов, лубочных картинок «под страхом жестоко ответа и беспощадного штрафования»⁵⁷. Говоря о контроле над изображениями, можно отметить и указ об «искусном» писании портретов императорской фамилии⁵⁸, о чем заботились и последующие отечественные властители.

Такая сфера культуры, как благотворительность, в петровское время так же была делом государственным. Правительственная политика предусматривала: «определение в домовые Святейшего Патриарха богадельни нищих, больных и престарелых», покупку им лекарств; устройство «при церквях гошпиталей для незаконно-рожденных детей» и дачу «им и их кормилицам денежного жалования»; создание «цухтгаузов» (смирительных домов), госпиталей и сиротских домов, лазаретов для содержания больных; отдачу «в богадельни слепых и престарелых, являющихся при переписи»; раздачу «безродных младенцев на воспитание с вечным за воспитателем укреплением», запрет посылать «сумасбродных и в уме помешанных в монастыри»; расходы на содержание «нищих и сирот» в монастырях и пр.⁵⁹

Политика в области социальной и интеллектуальной культуры была подчинена задачам петровской модернизации, помогала реализации экономических, стратегических, политических и идеологических задач власти. В первой четверти XVIII века был приобретен опыт и навыки культурного строительства. Были созданы учреждения культуры, как в центре, так и в провинции. Многие из них, появившиеся как специальные или отраслевые, быстро принимали на себя и другие культурные функции и превращались в центры притяжения культурных сил, объединяли творческих людей, привлекали интересующихся знаниями, наукой, литературой, искусством и пр., что в целом расширяло пространство культуры России.

- ¹ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. К семиотической типологии русской культуры XVIII века // Из истории русской культуры: В 5 т. Т. 4 (XVIII – начало XIX века). М., 1996. С. 437.
- ² Панченко А.М. Церковная реформа и культура Петровской эпохи С. 11–12 // Электронная библиотека ИРЛИ РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=7495> (дата обращения: 01.10.2015).
- ³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (далее – ПСЗРИ I). Т. IV. СПб., 1830. С. 133. № 1829.
- ⁴ Там же. С. 181–182. № 1886.
- ⁵ Там же. Т. V. СПб., 1830. С. 200. № 2996; С. 687. № 3340; Т. VI. СПб., 1830. С. 169. № 3547; С. 248–249. № 3662; С. 493–495. № 3891; С. 518–520. № 3925; С. 678–681. № 4009; С. 791. № 4121; Т. VII. СПб., 1830. С. 21–22. № 4162; С. 300. № 4526; С. 341. № 4553; С. 351–352. № 4575; и др.
- ⁶ Там же. Т. VII. С. 368. № 4596.
- ⁷ Там же. Т. VI. С. 314–346. № 3718.
- ⁸ Там же. С. 721–722. № 4036.
- ⁹ Там же. С. 312. № 3712.
- ¹⁰ Там же. Т. V. С. 166. № 2991; Т. VI. С. 513–514. № 3914; С. 737–742. № 4052.
- ¹¹ Там же. Т. IV. С. 139–140. № 1834; С. 227–228. № 1948; Т. VI. С. 355–356. № 3734; С. 436. № 3829; С. 481–483. № 3882; С. 718. № 4029; Т. VII. С. 6. № 4140; С. 96–97. № 4277; и др.
- ¹² Там же. Т. III. СПб., 1830. С. 450. № 1629; Т. IV. С. 159–160. № 1839; Т. VI. С. 670. № 3991; С. 791–792. № 4122; Т. VII. С. 32–33. № 4186; С. 79–80. № 4249.
- ¹³ Там же. Т. III. С. 39–40. № 1351; Т. IV. С. 192–195. № 1910.
- ¹⁴ Там же. Т. V. С. 163. № 2920; С. 520–521. № 3121; С. 679. № 3325; С. 680. № 3300; С. 726–727. № 3410; Т. VI. С. 234–235. № 3637; С. 736. № 4048; С. 792. № 4123; и др.
- ¹⁵ Там же. Т. V. С. 66–67. № 2734; С. 71. № 2741; № 2920.
- ¹⁶ Там же. Т. III. С. 402–403. № 1598; Т. IV. С. 1. № 1741; С. 183. № 1888; С. 183–184. № 1899; С. 272–273. № 1999.
- ¹⁷ Зимой «верхнее платье саксонское, а исподнее, камзолы, штаны, сапоги и башмаки, немецкие», «летом носить одно французское», «женщинам немецкое...» (Там же. Т. IV. № 1999).
- ¹⁸ Там же. С. 397. № 2175; Т. V. С. 137. № 2874.
- ¹⁹ Там же. Т. IV. С. 362–363. № 2132.
- ²⁰ Там же. С. 191–192. № 1907; С. 200. № 1920; Т. VII. С. 40–43. № 4190.
- ²¹ Там же. Т. VII. С. 197–198. № 4406.
- ²² Там же. Т. V. С. 78. № 2762; С. 86. № 2778; Т. VI. С. 643–644. № 3949.
- ²³ Там же. Т. V. С. 597–598. № 3246.
- ²⁴ Там же. Т. VII. С. 134. № 4327.

- 25 Там же. Т. IV. С. 131–312. № 1825; С. 243. № 1963; С. 306–307. № 2051; С. 452. № 2232; С. 581. № 2306; С. 837. № 2531; С. 838. № 2534; С. 846. № 2548; С. 868–869. № 2591; Т. V. С. 115. № 2825; С. 126. № 2848; С. 135. № 2868; С. 535–533. № 3147; и др.
- 26 Там же. Т. IV. С. 527. № 2282; С. 678–680. № 2362; Т. V. С. 72. № 2744; С. 105. № 2808; С. 126–127. № 2850; Т. VII. С. 300–301. № 4527; С. 385. № 4617.
- 27 Там же. Т. V. С. 569–571. № 3203; С. 575–576. № 3210; С. 586–587. № 3226; Т. VI. С. 120–121. № 3494; С. 160. № 3535; С. 195–196. № 3589; С. 387. № 3779; С. 432–433. № 3822; С. 264. № 3676; С. 381–383. № 3777; Т. VII. С. 186–187. № 4391; и др.
- 28 *Ключевский В.О.* Исторические портреты: деятели исторической мысли / Под ред. В.А. Александрова. М.: Правда, 1990. С. 191.
- 29 ПСЗРИ I. Т. IV. С. 550–551. № 2292; Т. V. С. 189. № 2978; С. 200. № 2997; С. 201. № 2999; С. 484. № 3058; С. 489. № 3067.
- 30 Там же. Т. VII. С. 181–182. № 4381; С. 250. № 4459; С. 358–359. № 4584.
- 31 Там же. Т. VI. С. 67. № 2736; С. 104. № 2806; С. 495–496. № 3087; С. 684. № 3335.
- 32 *Бранденбург Н.Е.* Материалы для истории артиллерийского управления в России. СПб., 1876. С. 241.
- 33 ПСЗРИ I. Т. IV. С. 240–241. № 1959; С. 817–818. № 2497; С. 857. № 2569; Т. V. С. 20. № 2652; С. 74–75. № 2751; С. 86–87. № 2779; и др.
- 34 Там же. Т. IV. С. 241–242. № 1960.
- 35 Там же. С. 256. № 1978; № 2497; Т. V. № 2652; и др.
- 36 Там же. Т. V. № 2762; № 2778; и др.
- 37 Там же. № 2778.
- 38 *Чистович А.Я.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. Приложения. С. 723–727.
- 39 ПСЗРИ I. Т. VII. С. 225–226. № 4447.
- 40 *Лотман Ю.М.* Очерки по истории русской культуры // Из истории русской культуры. Т. 4. С. 247.
- 41 *Краснобаев Б.И.* Очерки истории русской культуры XVIII века. М.: Просвещение, 1972. С. 49–52.
- 42 ПСЗРИ I. Т. VI. С. 141–160. № 3534.
- 43 Там же. Т. VII. С. 220–224. № 4443.
- 44 Там же. Т. V. С. 541–542. № 3159; Т. VI. С. 383–387. № 3778; С. 277. № 3693; С. 390. № 3784; С. 511–512. № 3908.
- 45 Там же. Т. V. № 3159; С. 542. № 3160.
- 46 *Семёнова Л.Н.* Очерки быта и нравов в России в первой половине XVIII в. Л., 1982. С. 107.
- 47 Программа включала издания: «европейския, азиацкия и американския земныя и морския картины и чертежи, и всякие печатные листы и персоны, и о земных и морских ратных людей, математическая, архитектурския и городо-

строительныя и иныя художественныя книги ... печатать к славе Великого Государя ... и ко всеобщей народной пользе и прибытку, и ко обучению всяких художеств и ведению...» (ПСЗРИ I. Т. IV. С. 6–8. № 1751).

48 О присылке в Сенат из Санкт-Петербургской типографии всех гражданских и прочих книг, которые будут печатаны по два экземпляра (Там же. Т. V. С. 670. № 3316).

49 Там же. С. 186. № 2967.

50 Там же. Т. VI. С. 451. № 3843.

51 *Вознесенский Н.А.* Законодательные акты Петра I / Под ред. Б.И. Сыромятникова. М.; Л., 1945. С. 148.

52 О печатании газет для извещения оными о заграничных и внутренних происшествиях (ПСЗРИ I. Т. IV. С. 201. № 1921).

53 О посылке из всех епархий и монастырей древних рукописных летописей и подобных книг в Москву в Синод (Там же. Т. VII. № 3908).

54 Об отбирании харатейных старопечатных книг и о выдаче их новоисправленных печатных; Об употреблении в новопечатных книгах новых названий с наказанием прежних именовании против строк на поле (Там же. Т. VI. № 3784; Т. VII. С. 102. № 4285).

55 *Скабичевский А.М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892. С. 6–7.

56 ПСЗРИ I. Т. VI. С. 244–245. № 3653.

57 Там же. № 3718; С. 373. № 3765.

58 О писании портретов Императорской Фамилии людям искусным в живописи (Там же. Т. VII. С. 520–521. № 4748).

59 Там же. Т. IV. С. 168. № 1856; Т. V. С. 128. № 2856; С. 181. № 2953; Т. VI. С. 124. № 3502; С. 291–309. № 3708; С. 782. № 4107; Т. VII. С. 110. № 4296; С. 139–141. № 4335; С. 207. № 4426; С. 226–233. № 4450.